

УДК 94:32(=162.1)(476) "1795-1921"

О трансформации национально-политического сознания поляков Беларуси в 1795–1921 гг.

А.М. КРОТОВ

В статье рассматривается трансформация национально-политического сознания белорусских поляков, происходившая в условиях утраты ими доминирующего положения на белорусских землях. Автор доказывает, что сконструированная ими идеология предполагала собственную идентификационную мимирию и должна была содействовать вовлечению непольского населения кресов в борьбу за реализацию польских политических интересов; называет факторы, которые привели к краху этой идеологии и усилению в сознании белорусских поляков национального компонента, перерождению поляка-«краёвца» в поляка-националиста.

Ключевые слова: восточные кресы, национально-политическое сознание, национальная идеология, белорусское национально-культурное возрождение, русификация, «краёвость», польский национализм.

The transformation of national and political consciousness of the Poles on the territory of Belarus, that took place in conditions of their loss of dominant position in Belarus, is considered in this article. The author proves that the ideology constructed by them surmised mimicry of their own identification and was to include un-Polish population of east borders ("kreses") into the struggle for realization of political interests of the Poles; besides the article states the factors that have ruined this ideology and strengthened the national component in the consciousness of the Poles on the territory of Belarus, reborn the Pole-"krayovets" into the Pole-nationalist.

Keywords: east borders, national and political consciousness, national ideology, Belarusian national-cultural renaissance, russification, "krayovost", Polish nationalism.

Национально-политическое сознание польского национального элемента на белорусских землях уже неоднократно становилось предметом научно-исследовательского интереса. Результаты исследований нашли своё отражение в многочисленных публикациях. Однако авторы этих публикаций, иногда очень кропотливо вникая в нюансы развития польского движения на так называемых «кресах восточных» [1], старательно обходят своим вниманием неудобные для научной оценки ситуации, в которых необходимо прямо выразить своё отношение к политическим целям и задачам польского присутствия в Беларуси, польским национальным интересам. В полной мере это касается и вопроса трансформации национально-политического сознания белорусских поляков, белорусская составляющая которого, как представляется, была значима лишь в условиях краха польской государственности, поражения национально-освободительного движения, истощения материальных и физических возможностей ведения активной борьбы с преобладающим противником, ослабления воли поляков к такой борьбе и спада их патриотического энтузиазма.

В реалиях новой жизни кресовые поляки сделали попытку катализировать процесс белорусского национально-культурного возрождения, оказать содействие развитию национально-политического сознания белорусов и предотвратить тем самым русификацию Беларуси, грозившую потерей всех результатов польской «культурной» работы на кресах. Начинается процесс приобщения белорусов к делу противодействия российской экспансии, результатом которого должно было стать политическое обособление Белорусско-Литовского края и от России, и от Польши под руководством польского кресового элемента. Однако польско-советская война 1919–1920 гг. и завершивший её Рижский мирный договор показали истинное отношение поляков к белорусскому народу и его будущему. Вынужденные в сложившихся исторических обстоятельствах делать выбор между «краёвостью» и польским национализмом, «кресовяки» остановились на втором. Они отказались от права считаться особой, кресовой разновидностью польской нации, на которое ещё недавно претендовали,

выразив тем самым свою солидарность с польским народом, с его жизненными интересами, подразумевавшими инкорпорацию белорусских территорий в состав польского государства и создание условий для полонизации жившего на них неполяского населения.

Причины зарождения в XIX в. в поляках интереса к «тутэйшей» культуре в научной литературе трактуются по-разному. Что касается польских авторов, то, несмотря на наличие вполне объективных, заслуживающих серьёзного отношения к себе оценок (Р. Радзика, например) [2], доминирует литература вполне традиционной направленности, которая оказывается мало полезной для выяснения причин трансформации польского национально-политического сознания на «восточных креслах» в период российского господства. Польские учёные, например, склонны объяснять внезапно проснувшийся в «кресовяках» интерес к белорусской (да и украинской) культуре довольно пафосно, исходя из свойственного полякам возвышенного отношения ко всему, что связано с польскостью. Сыграл свою роль и субъективный фактор – европейский романтизм и одна из его самых ярких тенденций – тенденция «укоренения», предполагающая поиск истоков творчества в недрах народной культуры. Поборников романтизма подсознательно манило, притягивало всё истинно народное, всё то, чего они не могли найти уже в польской светской культуре, позиционирующей себя в качестве европейской. При этом нельзя не заметить, что поляков европейцы никогда не воспринимали как равных. Ещё придворный поэт Генриха Валуа Филипп Депорт (1546–1605), пробовавший вместе с королём несколько месяцев в Польше, прощаясь с ней, писал: «Прощай, о Польша, край равнин безлюдный, / Под льдом и снегом спящий беспробудно! / С тобою я прощаюсь навсегда: / Твой воздух, нравы – всё мне так постыло, / Что возвратиться разве только силой / Меня заставит что-нибудь сюда. / Прощайте вы, о странные хоромы, / Курные избы с крышей из соломы, / Внутри которых люди и скоты / Нашли приют – одна семья большая, – / Златого века прелести вкушая, / Исполненные дикой простоты» [3].

Подобное отношение к Польше со стороны Запада, характерное, кстати, и для других эпох, порождало в польском обществе комплекс неполноценности по отношению к Западной Европе, который, как утверждает руководитель международного проекта «Россия – Польша. Взаимное видение в литературе и культуре» В.А. Хорев, оказался устойчивым и проявлялся на протяжении всей польской истории [4, с. 33].

Белорусы были, пожалуй, единственными, кто, не видя других примеров, поддался польским внушениям и признавал за поляками статус «европейцев». Это импонировало полякам, вызывало в них довольно смешанные, но в целом позитивные чувства по отношению к белорусам, с элементами некоей идеализации, внушало чувство ответственности за их судьбу и судьбу ставших уже «польскими» кресов. Белорусы, которые без борьбы уступили доминирующую роль в своей стране полякам, не воспринимались как угроза для польскости. Они стали объектом своеобразной заботы, опеки. А сама Беларусь в рамках развивавшейся в польской литературе и политической мысли после разделов Речи Посполитой кресовой мифологии представляла в идиллическом виде «польского рая» [5, с. 13].

Российские учёные далеки от идеализации целей и задач польской «культурной» работы на креслах. Сегодня, как это было и в дореволюционный период, они видят в культурных интересах поляков в Беларуси проявление польского экспансионизма, антироссийскую инспирацию – не более того. Вообще в своих оценках современные российские историки и культурологи всё чаще и чаще используют наработки русских учёных и публицистов конца XVIII – начала XX в., которые привлекают их предметной основательностью и вдохновляют, видимо, своим эмоционально-психологическим настроем. Образ «коварного ляха», судя по всему, и сегодня в России не утратил своей политической актуальности [4].

В российско-польских научных и литературных перепалках то и дело, как это было уже на протяжении двух последних столетий, возникает тема Беларуси и белорусов. И всякий раз они представляются в негативном свете. Оба соседа, веками «воспитывавшие» белорусов в менторском духе, недовольны получившимся результатом. Но поскольку оба они не брали в расчёт главный фактор «дидактического» процесса – исторический опыт самих белорусов, их национальное сознание (каким бы проблемным оно не представлялось), ошибки в расчётах их удивлять не должны.

При этом поляки всё же сетуют на «чёрную» неблагодарность белорусов, на их несознательность, недалёковидность и готовность распрощаться со всем тем, что хотя бы формально делает их самобытным европейским народом. Белорусы же, в подавляющем большинстве, с недоумением смотрят на проявления польского «неравнодушия» к белорусским делам и подозревают присутствие в нём корыстной стратегической составляющей. В то же время, отдавая полякам должное, никто не ставит под сомнение вклад их «филологических подстрекателей» в дело белорусского национально-культурного возрождения. Именно их деятельность привлекла к нему этнических белорусов, в скором времени начавших доминировать и перенаправивших его в иное русло, ведшее совсем не туда, куда по замыслам пионеров белорусского национально-культурного возрождения оно должно было вывести – к отрыву Беларуси от такого мощного центра притяжения и генератора чуждых польскости влияний, каким являлась Россия.

В то время как российское общественно-политическое мнение фокусировалось на Варшаве, «польская каверза» обретала непривычный для неё вид, распадаясь на региональные разновидности. Вместо одного «польского вопроса» и одного «польского дела» возникали их варианты, и решение оных стало проблемой не одних только русских, но и, стараниями поляков, других народов, своими историческими судьбами с Россией и Польшей связанных. В том числе и белорусского...

Неудачи в вооружённой борьбе с русским царизмом не сломили волю поляков к борьбе. Они продолжили её на культурном и идеологическом фронте. Плацдарм для наступления здесь они готовили уже давно. В сознании кресовой шляхты, не только в силу того, что она уже психологически освоилась на кресах, в чуждом этнокультурном окружении, но ещё и потому, что она владела здесь земельной собственностью, зарождается и развивается чувство кресового патриотизма [6]. Особенно благоприятной для этого генезиса была обстановка на белорусско-литовских кресах, где польский элемент был серьёзно затронут процессом этнокультурного миксирования. И это его представители хорошо понимали. Не могло пройти для польских мигрантов бесследно ни долгое проживание в чуждой этнокультурной среде, ни массовая интеграция в шляхетское сословие представителей местной элиты. Разумеется, чувства родства с белорусами и, тем более, с украинцами у кресовых поляков не появилось. Скорее даже наоборот. Как пишет А.В. Липатов: «Соседство в силу “самого себя” не только сближает, но и отталкивает, не только притягивает, но и разводит, вызывает не только симпатию, но и антипатию» [7, с. 362]. Конечно же, интересы польского и местного элемента на кресах не совпадали, как не совпадали и образ их жизни, быт, воззрения, нравы. Но при всём пренебрежении кресовой польской элиты к местному хлопугу её представители всё-таки вынуждены были считаться с ним, искать понимание и находить его. Совершенно естественным образом стало формироваться чувство эмоциональной, психологической связи с кресами, с «тутэйшым» его населением. Но всё же, как показало будущее, это чувство оказалось намного слабее того, которое связывало поляков с польским народом и исторической Польшей.

Произошедшая в менталитете кресовых поляков метаморфоза не противоречила глубоко укоренённому в каждом шляхтиче-«кресовяке» чувству национального превосходства над культурно и этнически чуждым ему местным простым людом. Он ощущал себя на кресах настоящей элитой, тем активным меньшинством, которое обязано было взять на себя ответственность за их судьбу. Михал Ромер – один из видных идеологов краёвого движения утверждал: «Они (краёвые землевладельцы – А.К.) считали себя не отличным и чужим “меньшинством”, не частью другого чужеземного народа, а руководителями местной краёвой общественности, от имени которой их предки и даже они сами, особенно во время восстаний, создавали историю этого края как его настоящие граждане» [1, с. 126]. Польскость стала признаком избранности, принадлежности к данной элите. Но одно дело – демонстрировать свою «польскость» местному хлопугу, другое – шляхте центральнопольской, т. наз. «короняжам»...

Подвергнувшиеся деполонизирующему воздействию окружающей среды «кресовяки» ощущали и осознавали своё отличие от «короняжей» – поляков «высшей пробы» – и понимали, поддерживая национально-освободительные порывы последних, что при возрожде-

нии независимого польского государства (если таковое произойдёт) им достанется роль вспомогательного, второстепенного элемента, которая их, конечно же, не могла удовлетворить. Вряд ли такое государство «кресовяки» смогли бы в полной мере считать своим. Тем не менее, трансформация менталитета «кресовяков», несмотря на всю её значимость, не могла быть радикальной. Она не означала самоизоляцию носителей кресовой польскости, разрыв с исторической Польшей. С ней их по-прежнему связывали многие узы: гражданский долг, национальная самоидентификация, костёл, шляхетская идеология и пр. Это позволяет считать данную трансформацию процессом поверхностным, вынужденным, всегда готовым к возвращению на исходные позиции, своеобразной мимикрией.

Другое дело – кресы, ставшие уже для многих поляков родными. Здесь польская шляхта, являвшая собой социальную и культурную элиту, могла выполнить соответствовавшую её социально-политическим амбициям ведущую функцию в государственно-политической организации пассивной в политическом смысле белорусской «этнографической массы». Разумеется, с расчётом на то, что в рамках этого процесса она, как ведущая прослойка, должна занимать не просто руководящее положение, а положение привилегированное, сулящее монополию на государственную власть.

Борьба за «польское дело» в Беларуси в сложившейся исторической ситуации на взгляд «кресовяков» была куда более перспективной, нежели борьба за дело общепольское в масштабах бывшей Речи Посполитой. Но эта борьба создавала в Беларуси тот польский вопрос, который история поставит на повестку дня уже после развала Российской империи и суть которого будет сводиться к тому, существовать или не существовать белорусскому государству. Поскольку этот вопрос затрагивал жизненные интересы белорусского народа, то его нельзя считать тождественным тому польскому вопросу, над решением которого безуспешно бился русский царизм.

Нельзя сказать, что в России упрощали характер польской угрозы. Отнюдь нет. Тем не менее, высокая актуальность придавалась лишь тем её элементам, которые представляли непосредственную опасность русским имперским интересам. Как опасность воспринимался, в частности, сам факт присутствия поляков в Беларуси, ибо он означал присутствие польских культурных влияний, разлагающих «православие, самодержавие, народность». Ещё в канун восстания 1863–1864 гг. митрополит Литовский Иосиф Семашко предупреждал Александра II: «Для России ныне кажется важнее Царства Польского влияние его на западные губернии, а может быть и далее. Оно запустило сюда глубоко когти и препятствует слитию сих губерний с единокровною Россиею» [8, с. 12].

В 1863 г. известный русский публицист, издатель и литературный критик М.Н. Катков писал о многовековом противостоянии между русскими и поляками с искренней убеждёностью: «Между этими двумя соплеменными народностями история издавна поставила роковой вопрос о жизни и смерти. Оба государства (русское и польское – *А.К.*) были не просто соперниками, но врагами, которые не могли существовать рядом, врагами до конца. Между ними вопрос был уже не о том, кому первенствовать или кому быть могущественнее: вопрос между ними был о том, кому из них существовать» [9].

Утверждение Каткова, что русские и поляки «существовали рядом», основывалось на искреннем его (и не только его) убеждении, что население огромной буферной территории, разделяющей Россию и Польшу, является русским или польским. Он не хотел принять тот факт, что этнографической границы между русскими и польскими землями не существовало, равно как и то, что люди, жившие в буферной зоне, не считали себя ни русскими, ни поляками. Не хотел замечать шедшего здесь процесса формирования новых наций, которые должны были рано или поздно заявить о своём праве на самоопределение. В этом праве он им, судя по всему, и от имени России, и от имени Польши отказывал: «Поляку естественно отстаивать польское дело, а русскому естественно отстаивать русское дело. Утратив политическую самостоятельность, поляк не отказался от своей народности, он рвется из своего плена и не хочет мириться ни с какой будущностью, если она не обещает ему восстановления старой Польши со всеми ее притязаниями... (Поляку – *А.К.*) нечего прибегать к разным теориям,

ему нечего толковать о правах народностей... Ему достаточно назваться поляком, чтобы всякий мог понять, чего он хочет или чего бы должен хотеть...» [9].

Несмотря на успех, достигнутый Россией в борьбе с польским инсургентством, в русской общественно-политической мысли присутствовало твёрдое убеждение, что оно не искоренено и что поляки будут продолжать борьбу. В России прекрасно понимали, что поляки борются не только за восстановление польского государства, но и за восстановление его в тех границах, где в прошлом огнём, мечом и католической пропагандой распространялось польское влияние, т. е. в «истиннорусских» пределах, включавших белорусские и украинские земли. Потому в общественно-политической мысли России всё чаще и чаще стали раздаваться голоса в пользу того, что рано или поздно Польша должна отделиться от России, и в качестве основного довода приводилось то неоспоримое обстоятельство, что польский народ был народом иной культуры, вероисповедания, обладавшим самостоятельными государственно-политическими традициями. При этом, однако, подчёркивалось, что благожелательность русских в решении польского вопроса будет напрямую зависеть от польских притязаний. Для того чтобы эти притязания не распалились, с поляками нужно было вести работу – «успокаивать и умирять их» [9].

Забегая наперёд можно сказать, что уже во время Первой мировой войны, осознав безнадёжность дела приручения и умиротворения поляков, «чуждых русским во всех отношениях», даже русские националисты стали говорить о необходимости отречения от Польши и создания польского самостоятельного государства в польских этнографических границах. В 1915 г. в записке «По поводу “Воззвания” Верховного главнокомандующего к польскому народу», подписанной такими видными националистами, как Ф. Самарин, В. Кожевников, Л. Тихомиров, Д. Хомяков, было сказано: «Никаким великодушием мы не можем привлечь к себе сердца народа, который не хочет от нас ни казни, ни милости, ни гнева, ни великодушия, а только независимости и свободы» [10].

В 60–70-х гг. XIX в. российские власти начинают активно разыгрывать подброшенную им поляками «карту» в виде белорусского национально-культурного возрождения. В рамках «теории западнорусизма» они пытаются доказать, что белорусы являются самобытным ответвлением русского этноса. Их этнографические отличия рассматриваются как результат польских влияний, подлежащий искоренению. В то же время начинается интенсивное изучение российскими учёными белорусской народной культуры. Власти разрешают печатать на белорусском языке «гражданкой» этнографические сборники. В правительственных статистиках и картах начинается использование терминов «Белоруссия» и «белорусы».

Однако, вопреки ожиданиям, многочисленные научные исследования, которые должны были послужить укреплению западнорусизма, посодействовали оформлению собственно белорусской культурной традиции. И уже первое её публичное проявление, как утверждает А. Смоленчук, стало одновременно попыткой прорыва на «политическую территорию». В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. белорусские народники выступили с теоретическим обоснованием существования белорусов как «отдельной ветви славянского племени» [1, с. 120].

Таким образом, и поляки, и русские внесли лепту в белорусское национально-культурное возрождение. Но именно поляки, пробудив интерес к белорусской культуре, сообщили ему первоначальный импульс. Ведь, как пишет Ю.В. Чернявская, в первой половине XIX в. большинство исследователей, даже из тех, кто признавал самобытность белорусского этноса, считали, что эта культура безвозвратно погибла, а её проявления являлись своего рода атавизмом [11, с. 63–64]. Борясь с польской идеологической диверсией, русские смогли предотвратить те её последствия, которые были наиболее губительны для их политических интересов в Беларуси. Однако они не смогли помешать осознанию белорусским народом границ своей культурной автономии. Новорождённая белорусская интеллигенция начинает укреплять ставший уже шатким фундамент белорусского этноса, сознательно и намеренно конструировать белорусскую этничность, закладывая новый национально-культурный базис. Она не только открыто заявила о праве белорусского народа на свою собственную культуру, но и сделала многое для того, чтобы «тутэйшы» крестьянин, впаянный в ландшафт «роднага кута» и имеющий весьма слабое представление о мире, внешнем по отношению к

его малой родине [11, с. 60], превратился в «белоруса» – человека с развитым самосознанием, умевшего составлять своё представление о внешнем мире и о своеобразии собственной группы. Хотя Ф. Богушевич и Я. Купала начинали писать по-польски, а Я. Колас и М. Богданович – по-русски, все они сознательно, намеренно пришли к творчеству на белорусском языке и помогали вырастить в каждом «тутэйшем» крестьянине «белоруса».

Ход белорусского национально-культурного возрождения показал нежизнеспособность доктрин «литвинскости» и «краёвости». Эти оригинальные конструкции польской политической мысли оказались малопривлекательными для тех, на кого они были рассчитаны. Белорусы, не став под знамёна «краёвости», проявили неожиданное для поляков рвение на попрание национально-культурного возрождения, инициированном «филологическими подстрекателями» из числа кресовых поляков. Политика культурной русификации и политической деполонизации, которую проводили российские власти, равно как и провал акции заражения идеями «краёвости» местного, «тутэйшего» элемента, содействовали отходу «кресовяков» от сконструированной ими идеологии и укреплению в их сознании польского национального компонента. Как оказалось, только участие в польском национальном движении на практике могло позволить «кресовякам» сохранить общественно-политическое и экономическое доминирование на кресах. Нет оснований не согласиться с Р. Радзиком в том, что в начале XX в. завершилась эволюция сознания местной польской общности. На смену типу *gente Ruthenus, natione Polonus* пришёл тип поляка-католика или поляка-националиста [2, с. 108]. Свойственная полякам мегаломания, составлявшая неотъемлемый элемент их национального менталитета, ущемлённый в эпоху чужеземного господства, активнейшим образом проявила себя после восстановления независимого польского государства в 1918 г. и в ходе разгоревшейся в 1919–1920 гг. польско-советской войны.

Включения в состав польского государства «кресов восточных» добивались все политические силы без исключения и объясняли его «историческим правом». Были напрочь забыты все разговоры о краёвости, об унии, которая бы объединила Польшу и «Литву», о трёхкантональной федерации, которая бы объединила Польшу, Литву и Беларусь (со столицей в Вильно), о проекте двухкантональной федерации, в которой рядом с единой и независимой Речью Посполитой существовало бы и другое польское государство – т. наз. «Малая Польша», иные промежуточные комбинации [12, с. 109–132]. Мнение белорусской общности о переменах, произошедших в поведении поляков и ставших следствием очередных метаморфоз в их национально-политическом сознании, передаёт еженедельник «Беларускі звон»: «Для чего нужны были... неискренние разговоры о Литве, о кантонах, об автономии... Ныне вас, паночки, мы вынуждены аттестовать как политических хитрецов, с которыми искренне говорить не о чем» [13].

Ответом на многочисленные возмущения национальных меньшинств, в том числе и белорусского, стало следующее заявление Ст. Войцеховского, являвшегося в 1922–1926 гг. президентом Польши: «Чувствую необходимость... чтобы всегда помнили о том, что мы – поляки, а поляк – это не абы что... Польский хозяин никому обиды не чинит – но при том условии, что только он будет в Польше хозяйствовать, что только он будет править, что только он будет руководить» [14]. Эксперименты с национально-политическим сознанием закончились...

Литература

1. Смалянчук, А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А.Ф. Смалянчук. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.
2. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 301 s.
3. Депорт, Ф. Прощание с Польшей / Ф. Депорт // Французская лирика XVII века (переводы разных авторов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sftyurin.ru/207/rec.php>. – Дата доступа : 25.02.2012.

4. Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов : имагологические очерки / В.А. Хорев. – М. : Индрик, 2005. – 232 с.
5. Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku / Wybór tekstów, wstęp i objaśnienia Bolesława Nadaczeka. – Szczecin : Ottonianum, 1995. – 548 s.
6. Кралюк, П. История и «Я». Вячеслав Липинский: от «хлопомана» до «хлопофоба» / П. Кралюк // День [Электронный ресурс]. – 2003. – 24 янв. – Режим доступа : <http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=14656&mainlang=rus>. – Дата доступа : 27.02.2011.
7. Липатов, А.В. Стереотипы национального восприятия: специфика национальной истории, особенности национальной культуры и адекватная оптика научного рассмотрения / А.В. Липатов // Studia polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. – М. : Индрик, 2002. – С. 361–371.
8. Горизонтов, Л.Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX века в геополитическом измерении / Л.Е. Горизонтов // Европейские сравнительно-исторические исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. – Вып. 2 (2006) : География и политика / отв. ред. А.А. Улунян. – М. : Наука, 2006. – С. 9–31.
9. Катков, М.Н. Польский вопрос / М.Н. Катков // Русский вестник [Электронный ресурс]. – 1863. – Т. 43. – № 1. – С. 471–482. – Режим доступа : http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskiy_vopros.html. – Дата доступа : 03.02.2012.
10. Сергеев, С. «Польский вопрос» в русской националистической мысли XIX – нач. XX в.: попытки «позитивного» решения / С. Сергеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.apn.ru/publications/article_22377.htm. – Дата доступа : 03.02.2012.
11. Чернявская, Ю.В. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю.В. Чернявская. – Минск : ФУАинформ, 2010. – 512 с.
12. Цвікевіч, А. Адраджэнне Беларусі і Польшча / А. Цвікевіч. – Мінск – Вільня – Берлін : Вызваленне, 1921. – 191 с.
13. Палітычныя хітруны // Беларускі звон. – 1921. – № 24. – С. 1.
14. Дабрадзействы «польскага гаспадара» // Савецкая Беларусь. – 1923. – 25 вер. – С. 3.